

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

СЕВЕРНЫЕ ТРАВЕЛОГИ М. ПРИШВИНА КАК ПРЕТЕКСТ ОЧЕРКА Ю. КАЗАКОВА «КАЛЕВАЛА»

А н н о т а ц и я . Рассмотрены очерки Михаила Пришвина и Юрия Казакова о Карелии с точки зрения литературной преемственности. Система текстовых переключек позволяет интерпретировать главы «Вопленица» из книги «В краю непуганых птиц: очерки Выговского края» и «Солнечные ночи» из книги М. Пришвина «За волшебным колобком» как претексты очерка Ю. Казакова «Калевала». Сравнительный анализ показал важные совпадения в текстах двух писателей. Объединяющие образы и мотивы – не только сама локация Севера, но и эпизоды встреч со сказительницами, путешествие к ним по воде, введение фольклорных произведений. При этом стилистически тексты двух авторов различаются: очерки Пришвина – широко развернутое, насыщенное этнографическими деталями повествование, «Калевала» Казакова – компактная экспрессивная зарисовка. Рассказ о событиях и людях в очерке Казакова уступает место передаче впечатления и созданию лирической напряженности. Проведенный анализ конкретизирует наше представление о путях развития образа Карелии в русской прозе XX века, его вариативности у разных авторов в разные исторические периоды, позволяет отметить в качестве топоса в литературной репрезентации Карелии образы женщин-сказительниц.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карелия, северный текст, путевой очерк, топос, фольклор, сказительница

Б л а г о д а р н о с т и . Автор благодарит ст. преподавателя кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ Е. В. Каракина и к. ф. н., научного сотрудника КарНЦ РАН М. В. Кундозеру за помощь в атрибуции цитируемых текстов рун.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шилова Н. Л. Северные травелогии М. Пришвина как претекст очерка Ю. Казакова «Калевала» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1078

ВВЕДЕНИЕ

Среди литературных произведений о Карелии одно из ярких и запоминающихся – очерк Юрия Казакова «Калевала» (1962), вошедший в цикл «Северный дневник». Событийная основа очерка – встреча в Калевальском районе Карелии с женщинами-сказительницами во время поездки в Ухту (старое название поселка Калевала) в гости к писателю Ортьё Степанову в 1961 году [15: 115] и впечатление от знакомства с финским эпосом в живом народном исполнении. Это не первое появление образов женщин-сказительниц и цитирование исполняемых ими текстов в произведениях о Карелии. Еще у Федора Глинки в поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830) заметным персонажем становится дочь карела Маша, исполнительница старинных преданий и сказок, сюжеты которых Глинка включает в свой поэтический текст¹.

Другой случай – очерки Выговского края Михаила Пришвина, в которых автор рассказывает о встрече на Выг-острове с вопленицей Степанидой Максимовной². Третий – эпизод встречи с плакальщицами в очерке Константина Паустовского «Белая ночь»³ (эти примеры, по всей вероятности, не единственные).

О влиянии произведений Паустовского о Карелии вообще и очерка «Белая ночь» в частности на маршруты путешествий Казакова и его творчество уже говорилось ранее [13]. Отдельные аллюзии к текстам Пришвина в «Северном дневнике» также отмечались исследователями, но пока только применительно к Архангельску [1: 190], [9: 14]. По свидетельству И. Кузьмичева, северными травелогами Пришвина Казаков зачитывался и вдохновлялся уже на самых ранних этапах увлечения Севером, когда только начинало «формироваться его творческое поведение»

[4: 95]. В письмах к друзьям периода создания «Северного дневника» писатель и сам упоминает Пришвина как своего предшественника:

«Я не могу тебе писать всего, что я тут увидел и подумал и пр. – я тебе говорил уже, прочитай “Колобок” Пришвина, сделай поправку на сегодня, т. е. преобразуй деревни в колхозы и т. п. и вот тебе точная картина жизни теперешних поморов, а мысли и ощущения Пришвина – мои мысли и ощущения!»⁴

Эти литературные переключки интересны как с точки зрения изучения поэтики Пришвина и Казакова, так и в контексте исследования генезиса и развития карельской темы в русской литературе. Инициировано оно было более 80 лет назад известным русским литературоведом В. Г. Базановым. Обосновывая необходимость изучения образа Карелии как значимой локации в русской литературе, он отмечал, что, помимо многих прямых обращений к карельской теме у Ф. Глинки, Г. Державина и других авторов, «Карелия привлекала внимание Пушкина, Некрасова, Толстого и Горького» [2: 9]. Исследователь указал на сложившийся уже к 1940-м годам корпус литературно-художественных текстов о Карелии (и список этот только вырос за последние десятилетия)⁵. Позже вышло несколько филологических статей и две монографии, посвященные разным аспектам образа Карелии в отечественной прозе и поэзии [5], [7], [8], [9], [10], [12]. Однако научное освоение темы далеко не исчерпано. Фрагментарно проведены выявление и анализ ключевых концептов и топосов литературной репрезентации Карелии, разграничение генетических связей, интертекстов, с одной стороны, и совпадений типологического характера – с другой. За пределами внимания исследователей остались произведения о Карелии, написанные во второй половине XX и XXI веках. Не вполне ясны масштабы и характер карельской темы в русской литературе: случайный ли это набор отдельных произведений разных авторов или «сверхтекст» (термин Н. Меднис [6: 9–12]) как система связанных между собой произведений, объединенных конкретными внетекстовыми реалиями (локация, персоналия и т. п.), мотивами, языковой общностью и т. д.

КАРЕЛИЯ И «КАЛЕВАЛА» В ОЧЕРКАХ М. ПРИШВИНА И Ю. КАЗАКОВА

Эпос «Калевала» упоминается в третьей части книги М. Пришвина «За волшебным колобком» (1908), в которой описывается путешествие в «Русскую Лапландию». Дорога приводит туда путешественника с Соловков:

«Это Карелия – та самая Калевала, которую и теперь еще воспевают народные рапсоды в карельских деревнях Архангельской губернии. Показываются горы Лапландии, той мрачной Похиолы, где чуть не погибли герои “Калевалы”»⁶.

Существенно, что в этих строках Пришвина с «Калевалой» скорее поэтически, чем географически, отождествлена вся северная часть Карелии (легендарная «Похиола»), и даже вся Карелия.

Подобно тому, как это происходит в пришвинском тексте, повествователь в очерке Казакова попадает в Калевалу из ближайшей к Соловкам локации, из Кеми, но Калевала здесь – конкретная локация:

«В Кеми мне сказали, что где-то далеко на западе в глуши Карелии есть будто бы район Калевала и что живут там рунопевцы. И будто сосна есть на берегу озера, под этой сосной собираются старики – последние могики, – поют свои руны и, как тысячу лет назад, все еще славят великого Вайнемейнена.

Тогда забыл я на время море, рыбаков, все эти пустынные берега с редкими тонями – и поехал в Калевалу, как в сказку, как за Жар-птицей»⁷.

Уже в этих коротких фрагментах можно выделить сразу несколько переключек между очерками двух писателей. Так, образ мифической птицы появляется в диалоге охотников, открывающем первую книгу Пришвина о Севере «В краю непуганых птиц» (1907):

«– В наших лесах много такой птицы, что и вовсе человека не знает.

– Непуганая птица? <... >

– Нет такой птицы.

– Есть, есть, – спокойно твердит Мануйло.

– Да нет же, нет, – беспокоится маленький, – это только в сказках, может быть, и было, только давно. Да и не было вовсе, выдумки, сказки...»⁸

Образ Жар-птицы заставляет вспомнить зачин и второй книги Пришвина о Севере «За волшебным колобком»:

«Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки.

В некотором царстве, в некотором государстве жить людям стало плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то, и я сказал старушке:

– Бабушка, испеки ты мне волшебный колобок, пусть он уведет меня в леса дремучие, за синие моря, за океаны»⁹.

Текст «Калевалы» Казакова дальше будет строиться как сложная контаминация личных впечатлений автора от поездки и литературных интертекстов, часто именно пришвинских, причем отсылающих не столько к описанной Пришвиным его поездке в «Русскую Лапландию» (Карелия в этой поездке к Хибинам возникает

лишь по касательной), но ко многим другим карельским эпизодам северных травелогов писателя. Точками пересечения произведений становятся Карелия и ее фольклорно-поэтическое наследие.

Поскольку центральный эпизод в «Калевале» Казакова – встреча с двумя сказительницами и исполнение ими рун, обратимся к похожему эпизоду в главе «Вопленица» из книги Пришвина «В краю непуганых птиц». Путешественник попадает в этой главе на Карельский остров Нижнего Выга с двумя женщинами (жёнками):

«Как раз посредине длины Выг-озера, на одном из его бесчисленных островов, есть деревенька Карельский остров. Вот ее-то я и избрал своим пристанищем. Этот план был одобрен и дедом рыбаком, у которого я ночевал перед поездкой по Выг-озеру.

– Жёнки едут на Карельский, они тебя и отвезут, – сказал мне старик»¹⁰.

Так же и в «Калевале» Юрий (Юрки, как его называют местные карелы) отправляется на лодке по озеру со своим другом-проводником Ортъё Степановым за Татьяной Перттунен и Марией Михеевой и затем с ними вместе дальше на мыс к сосне Лённрота. Будут упоминаться и многочисленные острова Ала-ярви. Сами по себе эти образы – озеро, лодки, деревня на берегу – типичны для карельского ландшафта, и можно было бы отнести их к топосам, если бы не те цитирования очерков Пришвина, которые мы привели выше, и не общность композиционной схемы: путешествие, встреча с исполнителями фольклора, фольклорный текст. Складывается впечатление, что спонтанно под воздействием местных реалий появившийся у Пришвина, а затем и у Паустовского этот сюжет закрепляется в тексте Казакова как модель, способ знакомства с культурным наследием Севера.

Наряду с совпадениями хорошо видны и отличия в текстах двух авторов. Приведенная выше автохарактеристика Казакова – «мысли и ощущения Пришвина – мои мысли и ощущения» – верна лишь отчасти. Жанр очерка предполагает обращение к фактам и реалиям, использование не вымышленных, а действительных топонимов, антропонимов и пр., и здесь разночтения естественны: Казаков повторяет сюжет Пришвина, но движется внутри Карелии по иным маршрутам. Другая часть разночтений определяется особенностями поэтики текста в ее авторском и историческом аспектах. Отметим несколько наиболее значимых.

1) *Характер повествования*. При всех очевидных сходствах героинь, описанных в очерках,

разница авторских подходов видна уже в объеме описаний. Рассказ Пришвина о героине – подробный и обстоятельный. В него включена история всей жизни Степаниды на разных этапах: рождение, замужество, смерть мужа, старость. Его структура – эпическое последовательное повествование:

«Родилась Степанида Максимовна вблизи Выг-озерского погоста, на поже. Мать ее при этом случае косила в сторонке от своих, бросила косу, ухватилась за сосновый сук и родила. Она завернула ребенка в юбку и принесла домой.

Из детства Максимовна помнит, как “по тихой красотишке” она ездила в праздник в лес за ягодами, как сопровождала мать на рыбную ловлю и выкачивала плицей набежавшую в худую лодку воду, помнит, как укачивала ребенка, когда мать уезжала на сенокос и т. д.»¹¹.

Биография легендарной Татьяны Перттунен у Казакова, наоборот, сжимается в компактную портретную зарисовку, описание сфокусировано на настоящем времени, ориентировано не на протяженность, как в эпосе, а на миг, как в лирике:

«Она совсем не говорит по-русски, на меня не смотрит и ко мне не обращается, да и с Ортъе говорит мало, больше раздумывает о чем-то. Живет она одна – сама косит, гребет сено, ловит рыбу, ездит на острова за ягодой и грибами – словом, делает всю необходимую тяжелую мужицкую работу, без которой тут не проживешь. Но ведь восемьдесят лет! К тому времени, когда установилась советская власть в Карелии, ей было уж лет сорок – целую жизнь прожила»¹².

Об истории Марии Михеевой не сказано совсем ничего. Здесь нет объясняющего комментария, фокус внимания перенесен на романтическую необычность, таинственность героинь. В этом смысле описания женщин у двух писателей разнонаправлены: объясняющее, открывающее героиню в первом случае и романтизирующее во втором.

2) *Местный колорит и фактура языка*. Этнографически-языковой элемент заметен в текстах обоих авторов. Автор очерков Выговского края насыщает их этнографическими деталями местности, сочетающей финно-угорские и русские традиции:

«– Это тоже острова У нас их так много, что и не толкуем. Всего на озере их – сколько дней в году и еще три. Дальше еще кучнее пойдут. Острова да салмы, острова да салмы.

“Салмы” – значит проливы, слово карельское, как и все географические названия, сохранившие память о старых хозяевах этого озера»¹³.

Слово «салмы», кстати, появится и у Казакова, но в другом произведении – рассказе «Адам и Ева»¹⁴. Не исключено, что оно попало в его лек-

сикон из пришвинских очерков раньше, чем писатель услышал его вживую в Карелии.

В «Калевале» принцип местного колорита представлен очень ярко, в том числе за счет внимания к иноязычию коренного населения:

«<...> дорога шла то в гору, то под гору, час проходил за часом, народ в автобусе менялся, говорили кругом уже по-фински, пахли все лесом, годами не снимаемой закоженной одежей, мокрыми платками и фуражками, на полу поскрипывали уже пестери и корзины с морошкой, черникой...»¹⁵.

«И у Михеевой не говорят по-русски, и мне досадно, так хочется поговорить, расспросить, остается одно, пока они радуются, перебивают друг друга – смотреть»¹⁶ и т. д.

Мотив закрытости, таинственности можно назвать доминирующим в изображении героев в «Калевале» Казакова. В фокусе внимания – финский (говорить местные жители могли, скорее всего, на карельском) язык, «кореляки» и «дети лопарей». Автор не ставит своей задачей разграничить этносы (финны, карелы, саамы), сосредоточиваясь на общем впечатлении от финно-угорских древностей Карелии. В этом тоже ощутимо следование, возможно, бессознательное, за Пришвиным, объединившим в своем очерке о Лапландии лопарскую и финскую культуру:

«Ученым приходилось опровергать общее мнение о том, что тело лопарей покрыто космами, жесткими волосами, что они одноглазые, что они с своими оленями переносятся с места на место, как облака.

С полной уверенностью и до сих пор не могут сказать, какое это племя. Вероятно, финское»¹⁷.

3) *Описание исполнения.* В главе «Вопленица» Пришвин приводит текст плача Степаниды Максимовны. Предваряет его коротко данное впечатление об исполнении:

«Кое-как мы уломали Максимовну. Она села на лавочку и, уставившись в какую-то далекую точку, стала причитывать... И мне стало неловко... У старушки катились по щекам слезы, она обнажала свое горе искренне, просто и красиво.

Я оглянулся на старика, – он плакал. Улыбаясь сквозь слезы стыдливо и виновато, он мне потихоньку сказал:

– Не могу я этого ихнего вопу слышать. Как услышу, так и сам завоплю. Дома, как завопят бабы, я гоню их вон чем попало... Не могу...

Все женщины в избе плакали»¹⁸.

Инструмент создания впечатления здесь – не описание манеры исполнения, а эмоциональная реакция слушателей.

У Казакова иначе. Сцена исполнения становится сюжетной и эмоциональной кульминацией всего очерка:

«Раздаются первые звуки ее невыразительного голоса, выговариваются торопливо первые слова, неустой-

чиво выпевается еще неуловимая на слух мелодия. Да! Она и не поет еще, а говорит речитативом, скоро несется, как ручей в лесу с его разнообразным, высоким и низким бульканьем.

Но лицо ее уже преобразилось – глаза сведены в одну точку, пальцы двигаются, скрючиваются и распускаются, голова вздрагивает и откидывается, глаза поднимаются на сосны, на даль озера, но тотчас опускаются. Иногда она повысит голос, нахмурит брови, вскрикнет грозное и поднимает руку, угрожая, но тут же и сникнет, забормочет, раскачиваясь, что-то жалобное.

Каикиппа ноуси кууломаа

метсяста метсян еелвааа...

Вот что приблизительно слышу я на свой русский слух»¹⁹.

Сам исполняемый текст дан в очерке несколькими короткими цитатами. Руна приводится в тексте только в транслитерации, без перевода. Это подлинная руна «Калевалы» (сюжет о сотворении кантеле). Фокус внимания не на содержании (оно только намечено), а на впечатлении от музыки речи. Это особенность авторского восприятия: Казаков начинал как музыкант, и его проза широко отражает музыкальность окружающего мира. Этнографический подход в создании образа места уступает место импрессионизму, обращению к ощущениям: звуки, запахи, эмоциональный фон происходящего. Так же как во многих рассказах автора, на первый план выходит «особый ритм, основанный на многократном повторе событий, слов, отдельных реплик, синтаксических единиц» [3: 155].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя наши наблюдения, отметим следующее. Очерк Ю. Казакова «Калевала» обнаруживает целый ряд отсылок к северным травелогам М. Пришвина и конкретно к карельским их эпизодам. Выраженное геопозитическое начало северной прозы Пришвина [11: 303] вдохновляет автора следующего поколения на новые путешествия и тексты. Своего рода символом, кодом Карелии для Казакова, как и для Пришвина, становится не только природа, но и аутентичная жизнь и народная поэзия, которая этой жизнью порождается. Вслед за Пришвиным Казаков вводит в повествование эпизод встречи с исполнительницами и фрагменты фольклорного текста. С учетом ряда других упоминавшихся выше литературных произведений (Ф. Глинка, К. Паустовский) можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве топоса в литературной репрезентации Карелии не только природные образы, но и образы фольклорных исполнителей, в частности женщины-сказительниц (плакальщиц и т. п.).

Следуя за любимым писателем, Казаков при этом не повторяет, а варьирует темы При-

швина, продолжая его поиски и как бы поверяя их личными впечатлениями. Кроме того, если событийно «Вопленица» и «Калевала» близки, то характер повествования в них различен. Обстоятельное, последовательное, насыщенное этнографическими деталями повествование Пришвина о личности и творчестве вопленицы Степаниды Максимовны у Казакова трансформируется в компактную зарисовку встречи с загадочным миром носителей иной культуры. Рассказ о событиях в последнем случае уступает место передаче впечатления и созданию лирической напряженности. Стилистически «Ка-

левала» гораздо ближе к получившей развитие в середине XX века лирической прозе, чем к фактографически более насыщенному стилю книг Пришвина о Севере.

Проведенный анализ показывает существование интертекстуальных связей между произведениями, написанными о Карелии Пришвиным и Казаковым. Масштабность таких связей в корпусе произведений о Карелии может быть определена в дальнейших исследованиях. Это позволит доказательно подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании карельского литературно-художественного «сверхтекста».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Глинка Ф. Н. Карелия: Описательное стихотворение в четырех частях. Петрозаводск: Карелия, 1980. 118 с.
- ² Пришвин М. В краю непуганых птиц // Пришвин М. М. За волшебным колобком: В краю непуганых птиц. За волшебным колобком. Осударева дорога. Глаза земли. Отцы и дети. Из дневниковых записей. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 41–58.
- ³ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1982. С. 281.
- ⁴ Казаков Ю. Письмо к Тамаре Жирмунской от 26 сентября 1958 г. // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Вечерний звон. М.: Русский Мирь, 2011. С. 378.
- ⁵ См. антологию «Карелия в художественной литературе» (сост.: В. Г. Базанов, С. С. Шлеймович. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1940).
- ⁶ Пришвин М. За волшебным колобком // Пришвин М. М. За волшебным колобком: В краю непуганых птиц. За волшебным колобком. Осударева дорога. Глаза земли. Отцы и дети. Из дневниковых записей. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 213.
- ⁷ Казаков Ю. Калевала // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Соловецкие мечтания. М.: Русский Мирь, 2009. С. 134.
- ⁸ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 13.
- ⁹ Пришвин М. За волшебным колобком... С. 148.
- ¹⁰ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 31.
- ¹¹ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 48.
- ¹² Казаков Ю. Калевала... С. 136–137.
- ¹³ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 32.
- ¹⁴ Казаков Ю. Адам и Ева // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Странник. М.: Русский Мирь, 2008. С. 273.
- ¹⁵ Казаков Ю. Калевала... С. 134.
- ¹⁶ Казаков Ю. Калевала... С. 140.
- ¹⁷ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 213.
- ¹⁸ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 46.
- ¹⁹ Казаков Ю. Калевала... С. 142.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина А. С. Архангельск в «Северном дневнике» Ю. Казакова: идеология и мифопоэтика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (163). С. 190–194.
2. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века: Очерки. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 308 с.
3. Боровская А. А., Егорова О. Г., Спасивцева Л. В. Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 150–158. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150
4. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, журнал «Звезда», 2012. 536 с.
5. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–391.
6. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2003. 196 с.

7. Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтаксиса тропеических контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349
8. Пахомова М. Ф. Карелия в творчестве советских писателей. Петрозаводск, 1974. 272 с.
9. Пахомова М. Ф. Пришвин и Карелия. Петрозаводск, 1960. 72 с.
10. Разумова И. «Под вечным шумом Кивача...» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 101–122.
11. Трубицина Н. А. Геопоэтические образы в творчестве Михаила Пришвина (на примере Русской Лапландии) // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. 20–21 апреля 2018 г. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. С. 301–305.
12. Шилова Н. Л. Остров Киж и русская литература. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2018. 143 с. Электронное издание. 1 электрон. опт. диск.
13. Шилова Н. Л. По маршруту Паустовского: о карельских мотивах в прозе К. Г. Паустовского и Ю. П. Казакова // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. науч. тр. Вып. 1. М.: Макс Пресс, 2023. С. 273–285.
14. Шилова Н. Л. Север как Запад: литературный образ Карелии и практики позднесоветской венаходимости // Имагология и компаративистика. Томск, 2022. № 18. С. 346–364. DOI: 10.17223/24099554/18/17
15. Шилова Н. Л. Юрий Казаков и Карелия (по материалам писем к Ортьё Степанову 1961–1968 годов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 115–120.

Поступила в редакцию 07.02.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Natalia L. Shilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petsru.ru

MIKHAIL PRISHVIN'S NORTHERN TRAVELOGUES AS PRETEXTS FOR YURY KAZAKOV'S ESSAY "KALEVALA"

Abstract. The article is the first to examine essays by Mikhail Prishvin and Yury Kazakov about Karelia from the point of view of literary continuity. The system of textual echoes suggests the chapter "Mourner" from Prishvin's book *In the Land of Unfrightened Birds: Sketches of the Vygovsky Region* (1907) and the chapter "Sunny Nights" from his book *Following the Magic Kolobok* (1908) as pretexts for Kazakov's essay "Kalevala" (1962). A comparative analysis showed important similarities in the texts written by both authors. The unifying images and motifs include not only the North as the location, but also the episodes of meeting female storytellers, a journey to them by water, and the usage of folklore texts. At the same time, the texts of the two authors are very different stylistically. Prishvin's sketches are a widely developed narrative rich in ethnographic details, while Kazakov's "Kalevala" is a compact and expressive sketch. The story of events and people in Kazakov's text gives way to conveying impressions and creating lyrical tension. The conducted analysis concretizes our understanding of the ways to develop the image of Karelia in the twentieth-century Russian prose and the variability of this image created by different authors in different historical periods. It also enables to identify the images of female storytellers as a topos in the literary representation of Karelia.

Keywords: Karelia, northern text, travel sketch, topos, folklore, female storyteller

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to E. V. Karakin, Senior Teacher at the Department of Baltic and Finnish Philology of Petrozavodsk State University, and M. V. Kundozerova, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow at the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for their help with attributing the cited rune texts.

For citation: Shilova, N. L. Mikhail Prishvin's northern travelogues as pretexts for Yury Kazakov's essay "Kalevala". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1078

REFERENCES

1. Antipina, A. S. Arkhangelsk in the "Northern Diary" of I. Kazakov: ideology and mythopoetics. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015;10(163):190–194. (In Russ.)
2. Bazanov, V. G. Karelia in Russian literature and folklore studies of the XIX century: Essays. Petrozavodsk, 1955. 308 p. (In Russ.)

3. Borovskaya, A. A., Egorova, O. G., Spesivtseva, L. V. Non-classical principles of plot composition in the lyric short stories by Y. Kazakov. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;1(856):150–158. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150 (In Russ.)
4. Kuz'michev, I. The life of Yury Kazakov: documentary narration. St. Petersburg, 2012. 536 p. (In Russ.)
5. Markova, E. I. Karelian text as a subject of study. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future. Proceedings of the international research conference "The First Moscow Antsiferov Readings". Moscow, 25–27 September 2012*. Moscow, 2012. P. 385–391. (In Russ.)
6. Mednis, N. E. Supertexts in Russian literature. Novosibirsk, 2003. 196 p. (In Russ.)
7. Patroeva, N. V. Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyric poetry: formation of poetic tradition and syntax of trope contexts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349 (In Russ.)
8. Pakhomova, M. F. Karelia in the works of Soviet writers. Petrozavodsk, 1974. 272 p. (In Russ.)
9. Pakhomova, M. F. Prishvin and Karelia. Petrozavodsk, 1960. 72 p. (In Russ.)
10. Razumova, I. "Under the eternal noise of Kivach..." (The image of Karelia in literary and oral texts). *Geo-panorama of Russian culture: Province and its local texts*. Moscow, 2004. P. 101–122. (In Russ.)
11. Trubitsina, N. A. Geopoetic images in the works of Mikhail Prishvin (using the example of Russian Lapland). *Creative legacy of Mikhail Prishvin in the system of modern humanitarian knowledge: Proceedings of the all-Russian research conference (with international participation). 20–21 April 2018*. Yelets, 2018. P. 301–305. (In Russ.)
12. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature [CD-ROM]. Petrozavodsk, 2018. 143 p. (In Russ.)
13. Shilova, N. L. Retracing Paustovsky's route: Karelian motifs in the prose of K. G. Paustovsky and Yu. P. Kazakov. *Creative legacy of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of articles*. Issue 1. Moscow, 2023. P. 273–285. (In Russ.)
14. Shilova, N. L. North as West: the literary image of Karelia and the late Soviet outsidership practice. *Imagology and Comparative Studies*. Tomsk, 2022. № 18. P. 346–364. DOI: 10.17223/24099554/18/17 (In Russ.)
15. Shilova, N. L. Yury Kazakov and Karelia (according to letters to Ortjo Stepanov during 1961–1968). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;3(164):115–120. (In Russ.)

Received: 7 February 2024; accepted: 8 July 2024